

К ВИЗИТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В КНР

Уянаев С.В.

Аннотация. В данной информации представлены обстоятельства (февральского 2022 г.) визита В.В. Путина в КНР, его актуальность и предложения по конкретному наполнению визита возможным договоренностям, которых было бы желательно достичь с китайской стороной.

Ключевые слова: РФ, КНР, российско-китайские отношения, Казахстан, визит.

S. Uyanaev

Abstract. This information includes the visit background, its relevance and proposals for the specific content of the visit and possible agreements that it would be desirable to reach during it with the Chinese side.

Keywords: RF, PRC, Russian-Chinese relations, Kazakhstan, visit.

Первая за последние три года личная встреча Президента России и Председателя КНР, приуроченная к открытию игр зимней Олимпиады в Пекине, проходит в условиях актуализации ряда международных тенденций и событий, непосредственно затрагивающих национальные интересы России:

1) выход отношений Москвы с коллективным Западом на грань открытого и долговременного противостояния, чреватого блокированием дальнейшего поиска взаимоприемлемых решений;

2) ситуация в Казахстане, высветившая текущие и потенциальные риски для позиций России не только в Центральной Азии, но и в более широком евразийском, а потенциально и глобальном контексте,

последствия чего требуют особого анализа совместно с партнерами по ШОС.

В связи с этим перспективы российско-китайского партнерства, конкретные пути реализации тезиса о взаимной поддержке, неизменно присутствующего в двусторонних документах последних двух десятилетий, обретают дополнительную актуальность.

Исходя из этого, в ходе визита в КНР целесообразно, на наш взгляд, усилить российские позиции на следующих направлениях.

Используя позитивную инерцию договоренностей последних лет, в том числе связанных с празднованием 20-летия Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем, в ходе визита В.В. Путина в КНР целесообразно в очередной раз обратить внимание партнеров на общность задач двух стран по противодействию проникновению внерегиональных сил (прежде всего НАТО) вглубь Евразии. Насущным при этом выглядит тезис о том, что намерение включить в Североатлантический союз очередные республики бывшего СССР — удар не только по России, но и по Китаю, поскольку приближение военной инфраструктуры НАТО вплотную к Центрально-Азиатскому региону — это не только усиление военных рисков для западных районов КНР, но и потенциальное осложнение условий для реализации инициативы «Пояса и Пути». Отражение такого скоординированного видения в совместных документах по итогам февральских переговоров укрепило бы позиции России в сложном диалоге с Западом.

Одновременно (и в качестве «ответного» шага навстречу аналогичным по остроте интересам КНР) было бы важно поставить вопрос о более плотном взаимодействии в АТР в плане противодействия попыткам США выстроить новые военные блоки для сдерживания Китая.

В итоге речь могла бы идти о принятии в ближайшее время отдельной совместной Декларации о международной безопасности, в которой стороны заявили бы о принципе неделимости безопасности и недопустимости пересечения «красных линий» (о чем неоднократно говорила Россия), зафиксировали бы общность подходов обеих стран к обеспечению мира и стабильности в Евроатлантическом и Азиатско-Тихоокеанском регионах.

С точки зрения январских событий в Казахстане важным видится привлечение внимания китайской стороны к эффективности военной и военно-политической структуры ОДКБ для предотвращения сценариев «цветных революций». Параллельно с подспудным при-

влечением взгляда на способность России быстро реагировать на подобные кризисы имело бы смысл вновь обратиться к задаче дальнейшего продвижения военно-политического взаимодействия России и ОДКБ с КНР, что по сути означало бы формирование оборонного (военного) компонента ШОС, уже не первый год обсуждающегося на различных площадках. Рост взаимного доверия в таком взаимодействии исключил бы, в том числе, риски различных спекуляций: например, о том, что события вокруг Казахстана (включая «быстрый вывод сил ОДКБ») выявили «конкурентность геополитических целей РФ и КНР» в регионе. Выдержанное в доверительном контексте единое видение оценок ситуации в Казахстане и вокруг него, зафиксированное в документах предстоящих российско-китайских переговоров, представляется важным для России и ее внешней политики.

По-прежнему актуальным видится подтверждение и дальнейшее развитие декларированной в документах последних лет широкой повестки двустороннего сотрудничества — от политической («вечный мир на границе — краеугольный камень отношений») до практической сферы («стратегический характер» торгово-экономического, энергетического и иного взаимодействия).

На фоне осложнившегося диалога РФ с Западом возрастает актуальность сотрудничества в финансовой и банковской сфере (расчеты в национальных валютах, введение автономной системы платежей и т. п.). В этой связи и в развитие договоренности министров иностранных дел КНР и РФ в Гуйлине в марте 2021 г. о защите российско-китайских торгово-экономических и инвестиционно-финансовых отношений от неблагоприятного воздействия извне, стороны могли бы включить в итоговый документ саммита пассаж о готовности координировать политику по противодействию нелегитимному санкционному давлению со стороны США и Запада.

Внимания требует энергетическое сотрудничество, в том числе его потенциально проблемный аспект — газопровод через Монголию, требующий более глубокой экспертной проработки. По-прежнему важным представляется для России и давний вопрос о китайских инвестициях — однако в форме, которая не носила бы «связанного» характера, а была бы ориентирована на российский производственный сектор.

С учетом негативного влияния последствий пандемии на экономику и на основе мер по их преодолению, предпринимаемых правительствами двух стран, обе стороны могли бы заявить о готовности

активизировать обмен опытом и эффективное взаимодействие в данной сфере.

В развитие «Совместного заявления РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути» (май 2015 г.), было бы целесообразно снять остающиеся неопределенности при выстраивании Китаям без учета российских интересов геоэкономических структур, например, ВРЭП.